

Из Пруда Застывшей Яшмы выловили раздувшееся женское тело. В утопленнице без труда опознали Шуйфэнь. С тех пор как её выставили из внутреннего двора, она до глубины души возненавидела Цзян Мэнчжэнь. Несколько дней девка тайно следила за Павильоном Слушания Дождя, выжидая удобного случая, чтобы погубить молодого господина. Однако Небо видит всё: умысел не удался, и злодейка сама сорвалась в воду. Всю жизнь она больше всего пеклась о своей красоте, но смерть её оказалась безобразной и страшной.

Цзян Мэнчжэнь выжил, но от природы он был слаб здоровьем. Ледяная зимняя вода и пережитый ужас подкосили его, обернувшись тяжелейшим недугом. Лекари сменяли друг друга бесконечной вереницей; лишь к концу зимы больной пошёл на поправку. Однако холод успел проникнуть глубоко внутрь, а вода, которой он наглотался, оставила след на лёгких. И без того хрупкий, изящный юноша теперь казался ещё более бледным и болезненно-нежным.

Ци Фэнцзю то и дело навещал больного, и теперь двери перед ним уже не закрывали. Вот только Цзян Мэнчжэнь, стесняясь своего измождённого вида, всякий раз велел ставить ширму, из-за которой и вёл беседу. И всё же Ци Фэнцзю чувствовал, что отношение к нему переменялось. Ведь именно тогда, когда человек начинает дорожить кем-то, он пускается в подобные милые ухищрения. Все слуги Павильона Слушания Дождя были преисполнены к нему искренней благодарности, особенно Биянь. Прежде, стоило старшему молодому господину спросить о кузене, её рот закрывался плотнее раковины речного моллюска. Теперь же на одно его слово она спешила выдать десяток ответов, боясь проявить хоть каплю непочтительности.

Свое шестнадцатилетие Цзян Мэнчжэнь встретил в постели. Биянь доложила, что старший молодой господин лично прибыл с поздравлениями и подарками. Почувствовав, что сегодня силы вернулись к нему, именинник взглянул в зеркало: лицо оставалось бледным, но следы болезни уже не портили его черт. Он велел слугам помочь ему умыться и переодеться, после чего пригласил Ци Фэнцзю во внутренние покои.

Ци Фэнцзю и не надеялся на личную встречу. Получив приглашение, он торопливо оправил пояс, разгладил широкие рукава и последовал за Биянь. Две служанки отодвинули стеклянную ширму. За ней сидел Цзян Мэнчжэнь. Одетый в нежно-алое весеннее платье, он предстал пред гостем подобно лёгкому лепестку персика, влетевшему в комнату с дуновением ветра.

— Спасибо тебе, братец, — с улыбкой произнёс Цзян Мэнчжэнь.

Его взгляд, тёплый, как весенний ветерок, на мгновение задержался на губах Ци Фэнцзю. Юноша опустил ресницы, и на его щеках показались едва заметные ямочки.

Ци Фэнцзю замер на месте. Кузен назвал его так же, как и всегда, но в мягком голосе скользнуло едва уловимое нежное томление, заставившее сердце сладко затрепетать.

Их беседы продолжались, пока взгляд Цзян Мэнчжэня случайно не упал на лежащее на столе

нефритовое пресс-папье в виде котёнка.

— Послушай, — спохватился он, — я проболел так долго, но почему второй молодой господин ни разу не навестил меня? Раньше ведь он постоянно прибегал сюда поиграть.

Лицо Ци Фэнцзю слегка помрачнело. Помедлив, он ответил:

— Его... забрал к себе дедушка.

— Почему же?

— Ты сильно занемог, поэтому тебе ничего не говорили. Минувшей зимой второй брат тоже тяжело заболел. Лекари в один голос твердили, что он не жилец. Отец с матерью уже велели купить погребальные одежды и уложили его в гроб, ожидая последнего вздоха. Как раз в это время приехал его дед. После короткой перепалки старик просто силой увёл мальчика. Должно быть, второму брату суждено было выжить. Говорят, они встретили странствующего мастера, который вылечил его. Но взамен потребовал, чтобы окрепший ребёнок стал его учеником и ушёл в горы постигать боевые искусства.

— Амиабха, какое счастье, какое великое счастье! — у Цзян Мэнчжэня от этих слов похолодело внутри. Он и представить не мог, какая смертельная опасность грозила Ци Хэли, пока сам он лежал в беспамятстве. — Мин-гэер рождён под счастливой звездой, ему не суждено умереть молодым. Он всегда казался мне таким крепким, как же его подкосила столь страшная хворь?

— Жизнь полна неожиданностей, и никто не застрахован от болезней и невзгод. Да и ты сам едва уберёгся от гибели, — вздохнул Ци Фэнцзю. — Та безумная баба, что толкнула тебя в пруд, прислуживала во дворе наложницы Чжоу. После случившегося отец пришёл в ярость и приказал заколотить её покои. На беду, именно в тот день у второго брата поднялся сильный жар. Через несколько дней он уже бредил и потерял дар речи.

— Бедный ребёнок, — у Цзян Мэнчжэня защемило сердце, будто его сжали тисками. — Выходит, это случилось из-за меня...

— Как ты можешь винить себя? Если бы не это, он не обрёл бы столь удивительного покровителя. Успокойся, не изводи себя напрасно.

— Главное, что теперь всё обошлось, — Цзян Мэнчжэнь помолчал немного, а затем спросил: — Но я всё равно не могу понять, зачем той служанке понадобилось толкать меня в воду?

— Матушка сказала, что при ней нашли украденные драгоценности и серебро, — Ци Фэнцзю пересказал кузену объяснение госпожи Ци. — Она и раньше была нечиста на руку, и отец намеревался её продать. Видимо, девка наворовала добра и решила бежать под покровом ночи,

но случайно наткнулась на тебя... Решив, что ты её разоблачишь, она решилась на убийство, однако по неосторожности сама упала в воду.

— Какая нелепая, жуткая случайность...

Объяснения кузена звучали складно и разумно, не оставляя места сомнениям. Однако Цзян Мэнчжэнь вдруг вспомнил, что в тот миг, когда он тонул, сквозь толщу воды ему почудился безумный женский смех. Впрочем, ручаться за это он не мог: скорее всего, то была лишь предсмертная галлюцинация.

Когда Ци Фэнцзю ушёл, Цзян Мэнчжэнь переоделся и лёг в постель. Некоторое время он вздыхал, думая о судьбе Ци Хэли, но вскоре его мысли невольно вернулись к тому тёплому поцелую под водой. Кузен ни словом не обмолвился о спасении — и понятно, ведь о подобных вещах вслух не говорят.

Пальцы юноши неосознанно коснулись губ. Щёки его медленно залил густой румянец. Испугавшись, что кто-то из слуг может заметить это замешательство, он поспешно накрыл лицо шёлковым платком, на котором были вышиты утки-мандаринки.

Прошло три года, прежде чем Ци Хэли снова переступил порог родного дома.

Стояли лютые морозы, землю припорошил мелкий снежок. У боковых ворот поместья Ци стоял высокий, статный юноша с длинным копьём за спиной. Голова его была скрыта под глубоким капюшоном, а из одежды на нём была лишь простая синяя куртка из грубой ткани. Но спина его оставалась прямой как стрела, и ничто в его осанке не выдавало холода.

День, когда он покинул поместье, был куда холоднее нынешнего. Тогда он, полумёртвый, лежал в гробу и сквозь пелену забытья смотрел на ровный прямоугольник тусклого неба над головой. Силы его были на исходе, но Ци Хэли не смел сомкнуть глаз: стоило опустить веки, как перед ним возникали оскаленные призраки утопленниц, тянущие к нему когтистые лапы. Изнурённый жестокой лихорадкой, он не спал сутками и быстро угасал. А наложница Чжоу лишь безутешно рыдала, вцепившись в край гроба, но даже не догадалась смочить пересохшие губы умирающего сына хотя бы каплей воды.

Старый господин Ци лишь раз заглянул к нему.

— Не жилец, — вздохнул он и равнодушно удалился.

Похоже, вся их сыновняя и отцовская привязанность уместилась в это короткое слово. Пока Ци Хэли был жив, отец кормил его; когда пришёл срок умирать — раскошелился на хороший гроб. На этом его родительский долг считался исполненным.

Госпожа Ци даже не зашла поведать пасынка — должно быть, не отходила от Павильона Слушания Дождя. И Ци Фэнцзю наверняка был там же. Впрочем, Ци Хэли ни в чём их не винил. Жизнь Цзян Мэнчжэня была несравнимо дороже его собственной. Да если бы потребовалось отдать за него душу, он сделал бы это без тени сомнения.

При мысли о любимом в груди Хэли разлилось сладкое, тёплое чувство. Ему хотелось поднять руку и коснуться собственных губ, но тело казалось окончательно мёртвым и совершенно не повиновалось.

«А впрочем, умереть не так уж и плохо, — думал он тогда, погружаясь в небытие. — В моей недолгой жизни не было ничего, кроме вечного тумана, стыда и жгучей ненависти к самому себе. Лишь Мэнчжэнь-гэге оставался единственным чистым лучом света среди вечного мрака. Быть может, после смерти я смогу обратиться весенним ветром и вечно летать подле него? Тогда мне больше не придётся страдать от мысли, что, став взрослым, я потеряю право быть рядом...»

Сквозь бред до него донеслись чьи-то яростные крики. Кто-то бесцеремонно выдернул его слабеющее тело из гроба, зажал под мышкой и бросился прочь. Всё закружилось в безумном вихре, в глазах потемнело, а когда он наконец пришёл в себя, то обнаружил, что находится за тысячи ли от родного дома.

Три года на заоблачной вершине пролетели в безмолвии, где единственными его спутниками были вечные облака и туман. Поначалу кошмары не отпускали его по ночам. Просыпаясь под заунывные крики горных сов, он часами лежал без сна, вглядываясь в темноту. Учитель наложил на гору охранные печати, лишив его возможности сбежать, оставил руководство по владению копьём и отправился странствовать по свету. Раз в полгода он возвращался, чтобы проверить успехи ученика, а заодно привезти одежду и еду. За все три года наставник объявлялся лишь шесть раз. Только в эти редкие дни Ци Хэли слышал человеческий голос. К тому времени, когда он в совершенстве овладел боевым искусством и смог преодолеть барьер, его нрав стал суровым, замкнутым и нелюдимым.

С того самого мига, как родители заживо уложили его в гроб, в сердце Ци Хэли не осталось ни капли тепла к своей семье. Единственной причиной, заставившей его вернуться, был Цзян Мэнчжэнь. Чистая, робкая юношеская привязанность за три года разлуки превратилась в неодолимую тягу. Какой он теперь, его возлюбленный Мэнчжэнь-гэге, чей образ он бережно хранил в памяти все эти долгие дни?

— Кого там принесло? — послышался ворчливый голос привратника.

Спустя добрую четверть часа тот неохотно высунулся наружу, плотнее запахивая поношенный ватный халат. Окинув незнакомца подозрительным взглядом, старик буркнул:

— Визитную карточку давай. Это поместье господина министра Ци, бродягам тут ловить нечего!

— Дядюшка Ху, это я, — юноша откинул капюшон.

Свет уличного фонаря озарил его лицо — волевое, с резкими, словно высеченными из нефрита чертами. Размашистые брови упрямо сходились к переносице, а глаза сияли глубоким чёрным блеском. В его облике сквозила холодная, благородная суровость.

Привратник так и застыл на месте. Щуря подслеповатые глаза, он недоверчиво переспросил:

— Ты... кто же будешь? Откуда меня знаешь?

— Я Ци Хэли.

— Батюшки мои, второй молодой господин вернулся! — старик ахнул от неожиданности. Открыв ворота шире, он торопливо потащил юношу внутрь, непрестанно причитая: — Как же вы вытянулись, молодой господин! А ведь, кажется, только вчера на шее у меня катались... Надо же, за три года так измениться, прямо... прямо...

Привратник долго не мог подобрать слов от изумления. Время и впрямь творит чудеса: некогда хилый, болезненный мальчик превратился в статного воина. Под стать старшему брату — оба выросли настоящими красавцами, истинными драконами среди людей.

Первым делом Ци Хэли засвидетельствовал почтение отцу, госпоже Ци и наложнице Чжоу. Их притворные слёзы, дежурные улыбки и фальшивые слова радости пролетали мимо ушей, не затрагивая струн его души. Всё это было лишь данью унылому семейному этикету. Едва покончив с приличиями, он поспешил к Павильону Слушания Дождя. С каждым шагом его сердце билось всё сильнее, и под конец он просто сорвался на бег.

Сад припорошило тонким кружевом свежего снега. У самого крыльца павильона одиноко стоял юный гэер, бережно держа в руках старенький фонарь в виде лотоса. Заметив алую родинку беременности у него между бровей, Ци Хэли сразу узнал Чжухэня.

— Что за праздник сегодня, почему ты зажёл фонарь? — негромко окликнул он слугу.

Чжухэнь вздрогнул от неожиданности, обернулся и замер, ошарашенно глядя на выросшего перед ним незнакомца.

— Это... это ты! Ты наконец-то вернулся! — воскликнул он и, не сдержав радостного крика, бросился юноше на шею. — Сегодня ведь... снова праздник Юаньсяо!

Время летит подобно воде, возвращая былые празднества. Ци Хэли мгновенно вспомнил их давний уговор с Цзян Мэнчжэнем — вместе пойти на ярмарку и выбрать лучший фонарь. Он бережно взял Чжухэня за плечи и с замиранием сердца спросил:

— А где Мэнчжэнь-гэге?

— Ушёл на Улицу Алого Феникса, смотреть на фонари.

«В следующем году или через год мы обязательно выберемся вместе», — звучал в его ушах тихий голос Цзян Мэнчжэня.

Слова эти оказались пророческими: лишь теперь, спустя три долгих года, им выпал этот шанс. Но эти годы не прошли даром. Он окреп, возмужал и теперь точно стал выше своего Мэнчжэнь-гэге. Как и обещал когда-то, он сможет защитить его в любой толпе, чтобы тот мог беззаботно радоваться празднику.

На праздничных улицах бурлило людское море. Отыскать здесь кого-то было всё равно что выловить иголку со дна колодца. Ци Хэли стремительно лавировал в толпе, его широкие полы развевались от быстрого шага. Смущённый Чжухэнь, задыхаясь, пытался поспеть за ним, но очень скоро потерял его из виду.

— Да что ж ты за негодник такой! — обиженно пробормотал Чжухэнь, легонько шлёпнув пальцем по лotosовому лепестку фонаря.

Но тут же в памяти всплыло то мужественное, красивое лицо, в которое превратился прежний болезненный мальчик, и гзэр невольно прижал старый подарок крепче к груди.

Ци Хэли обошёл все самые оживлённые перекрёстки, но так и не встретил любимого лица. Снегопад прекратился. Потеряв надежду, юноша уныло плыл по течению людского потока. Но когда он проходил мимо знаменитых рядов с загадками, взгляд его случайно зацепился за фигуру, стоявшую в тени раскидистой ивы.

Ноги его словно вросли в землю.

То была воистину та самая встреча, воспетая поэтами: среди шумной толпы я искал его сотни, тысячи раз, но стоило обернуться — и вот он, стоит под угасающими огнями фонарей.

<http://bllate.org/book/19598/2002409>